

32 ПОЛОСЫ

Ростовское региональное отделение Союза российских писателей

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ

Тень времени

Василий
БЕТАКИ

«НЮАНС»
Таганрог
2010

Василий БЕТАКИ

*Все религии пройдут,
а это останется:
просто – сидеть на стуле
и смотреть вдаль.*

В.В.Розанов

Тень времени

СТИХИ

«НЮАНС»
Таганрог
2010

ББК 84(2Рос=Рус)-5

Б 54

Гость серии

Василий Бетаки

ТЕНЬ ВРЕМЕНИ

Стихи

Таганрог, «НЮАНС». 2010 – 32 с.

ISBN 978-5-98517-099-3

Серия

Ростовского регионального отделения

Союза российских писателей

32 =ПОЛОСЫ

выходит при поддержке и участии

издательства «НЮАНС», Таганрог.

Издатель – Кучма Юрий Дмитриевич

Все стихи в этой книге написаны в последние четыре года. Но подобраны не всегда в хронологическом порядке. И мне кажется, что «Заключение» – не только последнее стихотворение в книге, но и та краткая к ней аннотация, которую меня попросили написать.

Василий Бетаки

ISBN 978-5-98517-099-3

© В.Бетаки, 2006-2010

© Оформление: И.Огнев, 2010

1. «КАЛЕЙДОСКОП»

Калейдоскоп

Трубка. Горстка мелких стёкол. Зеркала.
А увидеть все узоры – жизнь мала.
Поверти – разбудишь пёструю метель...

Осыпается рождественская ель,
Но, как свежая, игрушками полна
Древа Мира примитивная модель.

Мне сквозь ёлку вдруг привидится весна,
Мне аукнется в лесу собачий лай,
А кому-то не игрушки – ордена...

Что ж, играй, трубач предвечный, ты играй,
Дуй, архангел, в ту дурацкую трубу,
Нагуди-ка разным – разную судьбу!

Сам не зная, как звучать какой судьбе,
Предназначит ли он Штрауса тебе,

Или Верди вдруг завертит пёстрый сон,
Или Вагнеру ты тяжело обречён?

.....

Но юргой – из азиатской пестроты –
Чьи-то судьбы, да спалённые мосты,
Но случайность на случайность, – лоб об лоб –
И встряхнёт, и повернёт калейдоскоп,
И со звоном полетят стекляшки дней,
Как шестёрка перепуганных коней...

Что ж, крути, но гнать карету не спеши:
Ну а вдруг мелькнёт портрет моей души?

И хоть век ищи, стекляшками звеня,
Не вернуть тебе вчерашнего меня...

Возвращение осени

Никуда не хочу. Взять собаку – и в лес.
Все столицы не стоят парадов и месс.
Не пойду, даже если там кто-то воскрес,
Да к тому же до пасхи,
Столько долгих недель, столько дней и часов!
Лето, запертое на длинный засов,
Не подаст ни один из своих голосов!
И не сменятся краски:

Чёрно-белое фото январского дня
Этой скудостью цвета доводит меня!
И закат этот жёлчный, без искры огня –
Ни причин нет, ни следствий...
От кружения улиц – глупей и балдей! –
Хаос окон, прохожих, витрин и блядей...
Разве в Лувр заглянуть? Но от очередей
Я отвык ещё в детстве...

Никуда не ходить, ни на ком не скакать,
Лучше пусть по странице проскачет строка,
И уздечку под лавкой не надо искать –
Тоже связано с риском
Потерять ни за что ариаднину нить –
Лучше Дилана Томаса переводить
И болтать о Багрицком...

Вместо этой, к нам не добежавшей зимы, –
От Урала или из Бретани? – Из тьмы
Осень вновь возвратилась, увидев, что мы
Без неё в этот вечер,
Пригрозивший нам стать ожиданьем Годо,
Пропадём в гаммах ветра до верхнего «до»:
Ни к чему ни снежок, ни бутылка бордо...
Нет, от зимности лечит
Если уж не весеннее уханье сов –
Только арлекинада осенних лесов,
Только тень растворённых в листве голосов,
Только поздний кузнечик.

11 января 2006.

* * *

...И вот затворяются деревянные решётки.
И двери отделяют лето от нас.
Ну, зачем его – заживо! Оно ведь чётко
Ещё существует!
И птицами кротко
Напоминает...

Но багажник набит. И последний час
Валандается между асфальтом и садом,
Машину подталкивает к автострадам...

Парцифаль

А. Д. Михайлову

Меня послал фон Эшенбах
Предмет неведомый искать,
Да бесконечно на плечах
Кастрюлю ржавую таскать!

Я находил, бросал – не жаль:
Ведь это всё был не Грааль...

Но что он есть? На вид каков?
Всё в мире отвечало мне
Апофатическое «Не...»
Поди, спроси у берегов,
У замков, или деревень,
Но им ответить, видно, лень.
А тот, кто в путь меня погнал
Сам, видно, ничего не знал...

Но кто же – я ? Опять ответ
«не, не, не, не...» – иного нет:
Я не Гавейн, не Ланцелот,
И, уж понятно, не Артур,
И мне не нужен Камелот
И стайки тех дворцовых дур,

Но мне, увы, невнятна цель...
Я видел города в горах,
Верблюдов в солнечных степях
И троллей в северных лесах,
Я видел гору Сен-Мишель...

Лечу «туда, не вем куда»
Найти бы «то не знаю что»...
Я должен странствовать всегда...
Седлом набил я место то,
Проехал тысячи страниц...
И что нашел я? Пенье птиц?
Ну, жаворонок над травой,
Да свет небес над головой...

И вновь скачу, неутомим...
Холм за холмом... А что за ним?
Сэр, ну куда Вас понесло?

Пусть я до дыр протёр седло,
Я понял, что такое даль:
Она сама и есть Грааль!

9 авг. 2006 г.

Зелёные стихи

В зелёном, весёлом покое,
Когда бы не громкая птица –
Шуршанье покоя – такое,
С которым и сон не сравнится,
Когда бы не громкая птица
Над спрятанной в чаще рекою.

...И заросли влазят по склонам,
Не зная, что значит топор,
И сонные мальвы в зелёном
Висят над приречной тропой,
Могучая зелень покоя –
Над ней даже солнце – зелён...
И +зелена пена левкоев,
И тень под твоею рукою...
Камланье лягушек такое...
В кувшинках – зелёновый звон!

А если и выторчит сонный
Репейник, сердит и лилов,
То медленно ветер зелёный
Всплывает из трав и стволов,
Смеясь, покружит над толпою
Зелёных серьёзных шмелей и –
Туда, где бредут с водопою
Зелёные козы, белея.

В зелёном покое платана
Так весела музыка сфер,
Что «Вечный покой» Левитана
Тут был бы и мрачен, и сер.
В зелёных разгулах бурьяна
Тут нету богов, кроме Пана,
(Нет больше богов, кроме Пана!).
И эти два синих пруда,
Покрытые ряской зелёной –
Глаза его – весело сонны:
Смотреть не хотят никуда...

Река времён

Никогда Европа не была ни раньше, ни позднее так противоречива, так парадоксальна, как в четырнадцатом – шестнадцатом столетиях. Жанна д'Арк и Лукреция Борджиа – вот два женских лика времени, словно бы исключающие друг друга.

...А Вийон? Воплотив в себе одном всю несовместимость разнообразных до бесконечности граней эпохи, Франсуа Вийон такое же воплощение Ренессанса как, хотя бы, Леонардо да Винчи. Парадоксальность его стихов – частица парадоксальности не только жизни поэта и вора, пьяницы и вечно влюблённого идеалиста. Это зеркало парадоксальности самого Ренессанса, который сгустил в себе величайший взлёт гуманистических идей – и бесчеловечность казней, неповторимые вершины почти всех европейских литератур – и низменную корысть интриганов или отравителей, великую архитектуру, живопись – и беспредел площадной вульгарности быта...

«В поисках деревянного слона»

В.Б.

«Увы, где прошлогодний снег»

Франсуа Вийон

Уж так устроен мир – не отмотать столетья.
Обратно в облака тот прошлогодний снег
Не всыпать. И рубец не лечат той же плетью.
И сколько ни шагай против теченья рек,
А не отыщешь... Прав был некий древний грек!

Но кто нам объяснит теперь,
что время – странно?

Что каждому лицу найдётся антипод:
Во встречах зеркалах Лукреция – и Жанна.
А кто из них есть кто, сам чёрт не разберёт –
Как мысль невнятная, Река Времён туманна,
В любой излучине – событий разворот:
Звенит калейдоскоп по берегам Луары,
То светлых башен лес, то из деревьев лес,
Скользит квадратом тень от паруса габары
По отражению бесцветных, низких, старых
Не южных, но ведь и – не северных – небес...

А между тем вся медь с каштанов облетела
На кучку злых руин, не ждущих перемен,
В Шинон, где восковым фигурам надоело:
Когда же, наконец, – штурм орлеанских стен?

Анжер высокой неприступностью морочит
Мушкетов, алебард и пушек кутерьму,
Он – толстых башен строй,
он связкой чёрных бочек
Шестьсот весёлых лет топочет по холму.

То я – вдруг фокстерьер,
То царицын пират –
(Как пра-прадед!) А взрослые всё говорят,
Что шпана, что драчлив, как десяток ценят...

Дальше – память вторая:
Гром взрывов навис.
Бомбы. Пламя. Мороз. Равнодушие стены...
Эта память вовек не простит им войны!
За блокадную зиму съел полчища крыс.
И – с ведром на Фонтанку, по лестнице вниз...

А тринадцатилетний (совсем уж другой) –
В музыкантской команде под Курской дугой...

Память третья – заверчен шальной карнавал:
Я к студенческим спорам и к вальсам приник,
И кого-то колол мой несносный язык,
И паркетами набережной, где причал,
Белой ночью – с кем ни попадя – танцевал...
А сентябрьский рассвет, иронично упрям,
Выползал из-под тёмной аркады двора
И показывал фигу ночным фонарям,
Где на Невском Бернини разок потерял
Два куска колоннады Святого Петра...

.....
...А кругом исчезают один за другим,
Но об этом – молчать....
И позорно молчим.
Не по новым каналам плывёт теплоход,
А по трупам...
(Та жизнь лишь Гомера и ждёт,
А уж «Дни и труды»? Провались, Гесиод!)

Вот четвёртая память:
Я должен и ей –
Отколовшись от тьмы ленинградских огней,
Оказавшись вдали от столиц и людей,
Я подростков учил в школах диких степей,
Где листва только снится (как Блоку покой) –
(Скрип бедарок, свист жаворонков, топот коней,
Не знакомых с тетрадкой и чёрной доской!
Для чего-то выписывал «Крокодил»,
И с цыганкой-циркачкой медведя водил,
И – верхом по весёлой степи – вместе с ней!
Всё легко доставалось... а запах беды
Этих лет?
Гей, по ветру! Мне всё – до балды!

...«Грибоедов» булгаковский – Литинститут.
Антокольский, как Воланд, знал Времени суть:
«Если сам не согнёшься, тебя не согнут, –
Нас учил он –
Да здравствуют Время и Путь,
Не робей и рискуй, нерасчётливым будь,
А помрёшь – берегись, не воскресни!
Ну, а песни?
А песни споёт кто-нибудь!»

Стук времён бил по стыкам быстрей и быстрей...
(То кружилась земля – вовсе не голова!)
Я в театре играл самых разных людей,
Чёрный плащ... фрак... кольчуга...

«слова и слова»...

Был весь мир – как Шекспир! – и театр и музей...

Да, ещё – о музее: вот мой кабинет
В тихом Павловске.
Гелиотропный рассвет
Гнал в окно листья липы и гроздь стихов
На тяжёлые книги с корешками веков...

Переводы?

Чтобы чудо чужое сберечь,
Брал поэта за шиворот, делал своим
И тащил его, грешного, в русскую речь:
И границ не искал меж своим и чужим,
И отечество – дым!

.....
Только дым, всё удушливей день ото дня,
Из отечества выкурил всё же меня,
И в чужой самолёт,
Сквозь заслон из погон
Я, – насвистывая вальс, как цыганский барон...

Не синица – журавль мне судьбой был дарим:
Как кому повезёт – и не Крым мне, а Рим!
(А вот «медные трубы», по моему, – хлам.)
И Париж завертел свой цветной тарарам,
И под Эйфелевой каланчой
Я, журнальный Левша, подкователь блохи,
В микрофоны «Свободы» читаю стихи
Сквозь глушилок старательный вой...

А ещё – за рулём...

За летящим окном
Автострады сплетаются в беге ночном...
(Я давно не люблю никаких поездов).
В шумный век жизнь – мозаика масок и слов,
И кружит-мельтешит карнавал городов,
И просвечивают,
Сквозь вихрем танцующий стих,
Словно кадры Феллини, одни сквозь других:

Витражи флорентийские в отсветах смальт
Каруселят –

им не уместиться в строфе,

В той, где Вена стучит каблучками в асфальт
По бульвару Монмартр от кафе до кафе,
На Сан-Марко, где площадь похожа на зал,
А в Лагуну втекает Обводный канал...
Листья ивы осенней раскружились... А там,
Где цепными мостами скрипит Амстердам...

В лабиринтах ли улиц,
В громе вальса того,
Разве стал бы я клянчить Ариаднину нить?
Ну кого ещё, кроме себя самого,
И благодарить, и винить?
Рожу в кровь разбивал? По своей же вине,
Стиснув зубы – когда ещё были они –
Звонкой строчкой-подпругой затягивал дни,
Как весёлых коней!
Что там ни говори,
«Жил счастливее всех, как Четвёртый Анри!»

Ну, цыганка спросила бы:

«так что ж – на руках?»

Что скопил ты, и что от судьбы уберег?

Вот:

Уздечка, в латуни начищенных блях,
Серый парус,
Да ритмы объезженных строк!
Не боюсь ничего, кроме горных высот,
Да бегущей за бортом бездонной воды...
Не люблю оверштага. И мой поворот –
Фордевинд – на воде оставляет следы!

Пусть архангел на Суд созывает трубой!
Все, кто хочет, судите! – Я прав пред собой!
Отряхая чужую и пёструю ложь,
Не орлом, а стрижом беззаботным кружа,
Я всегда отвечаю ударом ножа
На блеснувший, ещё недовынутый нож.

И когда в новый раз окажусь я НИГДЕ,
Всё равно я оставлю следы на воде,
В изначальной ночи –
И опять прокручу эту ленту назад,
Чтоб в начале – Медон,
А в конце – Летний сад...
(Ох, как «юпитера» на «Ленфильме» слепят...)

...

... Я ещё не родился. Молчи...

20 августа 2007

Тень ренессанса (Флорентийский отрывок)

...И вот – переплелись мечта и шарлатанство,
И святость с подлостью гуляют по земле
В обнимку – не разнять! –

как ханжество и пьянство,
Как свиньи в небесах, и агнец на столе...

И вот – нашёлся тот, кто – запросто ль?
– но сможет

На завтра и вчера со стороны взглянуть,
Кто истину, враньё и парадоксы сложит
Все вместе, какова бы ни была их суть!

Кто – он? Да, мой двойник.

Он призрак персонажа,
Которого никто не произвёл на свет,
Он может быть шутком, матросом, стряпчим,
пажем,
Художником... Или – трактирщиком... (Но нет:
Трактирщик не пройдёт).

Пусть будет чёртом даже,
Монахом, наконец – он всё равно – поэт...

Сквозь занавески душ он наблюдает время
А сам вне времени, – зато повсюду вхож,
И сущность смеха он, и мусор всех полемик,
Он всех религий бред, всех философий ложь!
Он их – из рукава – как фокусник – и мимо:
Ведь он переживёт их все, в конце концов,
А с ним – Бокаччио, шутник неутомимый,
И Микельанджело, не слазнящий с лесов,
Где тряпки всех сивилл и всех пророков рожки
В капелле с потолка копчёного висят,
А там, в углу «Суда» чёрт (на меня похожий!)
Из лодки грешников веслом стоняет в ад.
А если выпала свободная минута,
Он, в меру вездесущ, мастеровит и лих,
Льёт бронзу в мастерской

с лукавым Бенвенуто,
Лоренцо Пышному нашёптывает стих,
И в траттории он сидит с Маккиавелли,
И хлещет кубками иронию: ведь он
Знал, что «Властитель» есть издёвка,
в самом деле,
Вполне пригодная для будущих времён.

Теперь мы скажем «стёб»...

* * *

Сальские степи в 1950 году.
Забывшее лето цыганского быта
Мне возвращает один рассвет:
Перетопывающие копыта.
Сальские степи. И двадцать лет.

Жёлтым бисером были вышиты
Звёзды по бархату темноты,
Когда из драной палатки вышли
Рассветный я и рассветная ты.

Спали ещё и телеги базара,
И все заботы
новорождённого дня...
На всю эту степь, ужасно старую, —
Двое нас и два коня.

На длинных солнечных травах таяли
Капли росы, без следа и боли.
А по зелёным откосам взлетали
Шары прозрачного перекасти-поля,
Их, невесомых, порывами дуж,
Ветры вкось над дорогой несли...

Копыта били в кору земную,
В цыганский бубен летней земли...

Отражения

Дул оркестрик из семи бродяг
Всею медью желтизны осенней
В медь листвы, внизу, над жёлтой Сеной,
Окунувшейся в прозрачный лак, —
Город в трёх раструбах отражаясь,
То в валторне, то в трубе вращаясь,
В медных горлах спрятаться спешил.
Разворачиваясь в трёх воронках,
Три Парижа разлетались звонко,
И плясал над чёртом Сен-Мишель!

Так плясали троицей латунной
Геликон, валторна и труба,
Что почти не слышны были струны
И неопытной, и слишком юной
Скрипки.
Так была она слаба.

А кларнет хихикал из Брассанса,
Б+екала валторна, как баран,
И двусмысленностями бросался
Непристойно алый барабан,
Но аккордеон взрывался Брелем —
И опять раструбами горели
Блики на танцующей трубе,
В отраженьях искажался кто-то,
Но узор балконов был — как ноты,
Вызов посылавшие судьбе:

Так цвета играют ветром. Так
День домам расписывает спины,
Так звучит листва, уткнувшись в стены,
И на нижней набережной Сены
Тот оркестрик из семи бродяг...

А когда каштаны отзвучали,
И остались чёрным голяком –
(Будто бы мундиры их украли!) –
Осень, скручиваясь по спирали,
Вся втянулась в медный геликон...

Париж

Церковь у моря

В пустоте шуршащей
 вся – от шпиля до дверей,
Распахнутых к морю близкому...
На истёртых плитах отраженья витражей
Дрожат опадающими листьями.

В зеркале отлива деревенский этот храм –
Опрокинутая в море вера, –
Каменные призраки расселись по углам:
На каждом из углов – химера.

Может люди вовсе никогда и не придут?
В зеркале песчаном химера лает,
И дожди, и ветры ей бока грызут,
Распахнутая пасть не умолкает:

Бесчувственно небо –
Ни надежд ни вер,
И не отделить от были небыль...
Химера выветренная – морду вверх –
Облаивает бессовестное небо...

Бретань

* * *

Огни всё глубже тонут в лужах,
Лучи всё медленней дрожат.
Уж вовсе ничему не служит
Их отражений рваный ряд,

Уж вовсе никому не светят
Пустые дубли фонарей:
От плачущих фантомов этих
На улице ещё мокрей

И никакого нет резона
Своим же отраженьем быть,
Чтоб в отражении газона
Свой зыбкий профиль утопить.

Венеция. Зима

*«В городе осталось всего 60 тыс.
жителей, а после войны нас было
160 тысяч»*

Знакомая венецианка....

1.

Дворец пустынный и ничей.
На пьядцах – дыры вместо лавок,
И маски вместо овощей
Среди кулонов и булавок.
Тряпицы. Бусы. Колпаки.
(А прежде торговали сыром).
Но выросли везде, где сыро,
Грибообразные ларьки.

И на Риальто толпы прут.
(Их топот – вместо фарандолы).
А на прилавках продают
Фольговой красоты гондолы,
С давно облезлых вапоретт
Туристок стайки с птичьим свистом
Сбегают на пустую пристань –
Венецианцев больше нет:

Старинный венецианский дух
С недвижимым ветром над лагуной
Уходит тихо в холод лунный,
И маски замыкают круг...

2. Жалоба кота

Блик солнца съёжился в углу.
Сполз незаметно по стене,
Ему на мраморном полу
Так неуютно... Вот и мне.
Пустой венецианский дом.
Тоскливо прячась от туристов,
Тут на диване я с котом.
И за стеной играют Листа...

– Нет, чтоб Вивальди, чёрт возьми! –
Мурчит мне полосатый кот –
Морока с этими людьми,
Ну, всё у них наоборот...
Не знаю уж, какой властитель
Наляпал тысячи мостов,
Но город на воде, простите,
Не предназначен для котов!

3.

Я зимой купил в Венеции
шутовской колпак с бубенчиками,
Карнавал недавно кончился,
но остались колпаки...
Да и маски не распроданы,
хоть давно в них делать нечего:
Все баутты по домам сидят
и сдыхают от тоски.
Да... Остались колпаки...

Я вернулся из Венеции
и пристроил шапку пёструю
Где-то рядом с книжной полкою,
и теперь уж навсегда
Между полкой и компьютером
дребезжат его бубенчики,
Шутовской колпак – на глобусе –
там ему и место. Да!

4. «Холодный ветер от лагун»
 А.Блок

Ветра не слышно. Не воздух, а холод.
Зеркало чёрных каналов. И там,
В злой тишине, есть единственный голос:
Только шаги по своим же следам...

Где-то огни над лагуной пасутся.
Не отлипает от холода плит
Воздух недвижимый... И города блюдце
Только твоими шагами звенит,
Их повторяя над холодом плит...

Воздух недвижим. Не воздух, а холод.
И в пустоте – всё от тех же шагов –
Где ни пройдёшь, остаётся осколок:
Звук, отражённый от всех берегов,

* * *

Петербургу

Мне надоело мёрзнуть на ветрах
Полуморозов-полунаводнений,
Мне надоело мёрзнуть в катерах
Из-под мостов бегущих в царство теней,
Мне надоели сбывшиеся сны
Шемякинской ли, восковой персоны,
Граниты петропавловской стены,
Скукоженные зло и полусонно,

Мне надоело мёрзнуть просто так,
И та зима была мне не по силам,
Пока она ворочалась в домах,
Тех, сколь холодных, столь и некрасивых,
Знакомыми набитых по карниз,
Трещавших от надутых воскресений,
Мне надоело мёрзнуть, рваться из
Промозглых ожиданий предвесенних,

Мне надоела истинность дождя
Долбящей искренностью поученья,
И бесконечные «круги своя»,
Рассчитанные лишь на возвращенья...
Мне надоело мёрзнуть, на часах
Оружие столетий охраняя,
И в еле шевелящихся лесах,
Забывших, как скрип отличить от лая.

11 авг. 2006

* * *

Ещё даже не остыли следы заката на лунном
Небе,

А уже происходит нечто:

Ну, кто кричит?

Не сойка, даже не дрозд,

Над океаном – кукушка в дюнах?

Так не бывает!

Но беззвучно мигают

Вопросительные знаки звёзд:

Ведь не ты по ним, а они по тебе гадают,

И ответ никогда не бывает однозначен и прост,

Поскольку всё простое –

сложнее самой сложности,

И нет никакой простоты. Да и кто там знает,

Хуже ли она воровства?

А ручей убегает...

И ни тебе, ни звёздочкам не угадать,

что он с собой уносит.

Может даже, что-то совсем неважное,

А вот жизнь бедней: пропадают слова

С каждым его поворотом.

И замечаешь в конце концов,

что и он ведь просит

Хоть искорку

у отражающихся в его воде эфемерных огней,

У этих вопросительных знаков,

у этих мерцающих звёзд,

Которые, не дождавшись, чтоб их истолковали,

уплывают как листья под мост.

И оттуда твердят, что всё это уже было,

когда-то было,

Что те же самые светящиеся буквы

детство ещё уносило,

А никакой не ручей,

Что отблески ключевой воды –

только нападение чего-то давнего,

причём с тыла,

И если вовремя повернуться,

может, успеешь заметить, чей

Это взгляд...

Вопросительные знаки меняют тему,

И звёзды уже складываются

совсем в иные слова,

Которые, как листья клёнов,

соскальзывают по телу,

И пока их ещё немного –

это листья, а не листва.

Но и она не замедлит –

ведь не зря оттенки заката

На ней остаются.

Утром сам убедишься, что их цвет

Тот же самый, который так удивлял когда-то,

Будто с тех пор пройти не успело

и двух-трёх лет...

2. ТЕНЬ ВРЕМЕНИ...

Тень времени

1.

Рывком отражённый от леса ветер –
Это Время рванулось назад:
Или Время само – только ветер,
Плохо доступный глазам,
Или ветер – просто зримое время
(Струйкой с мельничного колеса?),
Мгновенное – вечно, вечность – мгновенье:
Что им хоть год, хоть полчаса!

Тень от чайки в комнате: ей охота – в тепле!
Вот и клюёт она крошки
У меня на столе...
Капли вялые чуть дрожат на стекле,
А чайка – с той стороны, на окошке...

Там за стеклом ветер и чайка,
Чайка и время в мокром звучанье
Рыжих сосновых узлов у прибора...
Ветер ли, Время там воет нездешней трубой?
Остановлены в объективе аппарата,
Криво вывернуты недвижимые облака...
А оно бежит откуда-то и куда-то –
Со своей скоростью каждая река.
И вовсе не из любопытства праздного –
Надо скорости эти сравнить...

А может, к той чайке она и привязана,
Ветров и времён незримая нить?

2.

Заметь, – от Шекспира и до Конан-Дойля –
Всего-то три полки по вертикали,
А если б по полкам двигался вдоль я –
За триста лет добежал бы едва ли...

Так если всё в мире – одновременно –
Художников разных – узнать по мазкам,
И от Шнитке – улицу перейти до Шопена
(Главное – адрес помнить, чтоб зря не искать).

...Если «времени больше не будет»,
Как обещал святой Иоанн,
История отменится, и встретятся люди
Разных веков и разных стран...

А если соврал апостол
(Ведь нет для поэта запрета!),
Попробуем хоть издали скорость ветра
Определить по выгнутости вон того паруса,

Или по лесу, скрипящему яростно
В маятниковом качанье сучьев этих
Над берегом, где прибой, сосен, камней голоса
Сливаются в мокрое звучанье Времени –
В отражённый от леса ветер,
Который обретает зримые очертанья,
Только опрокидываясь в паруса!

18 ноября 2009

* * *

Сова над лодкой снизилась и взмыла,
Оставляя в воздухе пунктирный след –
Клок памяти о бытии ином...

В лесу бургундском через сорок лет
Сова мазнула по стеклу крылом,
Не зная, что уже такое было.

И вслед за пролетающей совой
Сомкнулся тёмный лес над головой.
И выскочил (откуда взялся?) заяц
В свет фар, перед машиной расстилаясь,
Зад вскидывая, хвостиком дразня,
С асфальта в чащу даже не пытаюсь...
Но я-то знал – свернуть ему нельзя!

Там призраком остаточного света,
Пробившимся сквозь сосен силуэты,
За озером заката головня...
В подлеске с лешими болтают лары,
И проникают, проникают фары
В глубь времени, в глубь леса, в глубь меня...

Нет бывшего – есть наслоенье лет,
Есть заяц, в темноте почти лиловый –
Есть!
Есть и будут совы, совы, совы...
Следы дождя. И предзакатный свет:
Нет прошлого – есть наслоенье лет!

И совы есть! И заяц тоже есть!
Есть лешие – они совсем не стары –
И с лешими кокетничают лары,
Над озером монистами звеня...

И проникают, проникают фары
В глубь времени. В глубь леса,
В глубь меня.

19 декабря 2009

Бедные рифмы

*Бульвар Сен-Мишель, январь 2010.
Фонтан забыли отключить,
и он превратился
в огромный ледяной куб...*

На тень Люксембургских аллей,
На площадь Эдмона Ростана
В недвижимом железе тумана
Соскальзывают непрерывно
По льдине на шее фонтана
Косые снопы фонарей.

Зря ёлки у старых церквей
Мигают в весёлую тьму
Тем рожам пустого фонтана,
Который зиме – ни к чему!
Смеющийся камень – кому
Дурное веселье? Нет – хуже,
Хохочущий каменный ужас:
Ну, как подмигнуть никому
В недвижимом железе тумана?
Огни ускользают во тьму,
Сползают искристо и сонно
По льдине на шее фонтана.

Под куполом у Пантеона...
Недвижность странна и бездонна
Для маятника Фуко,
Скользившего прежде легко
Под куполом у Пантеона...

Недвижность сегодня – бездонна,
Весь мир шевелиться устал...
На рожи пустого фонтана,
Стирая их мимику, встал
Подошвой, искрящейся сонно,
Кривой и огромный кристалл...

Всё – камень. Всё – лёд. Всё – металл.

Январь 2010

Foro Romano

Обезглавленные аполлоны,
Капители в густоте травы,
Непристойно выглядят колонны –
Тоже иногда без головы...
Ты, идя на форум с ипподрома,
Остановливался иногда
На ступеньке голого проёма
Двери ниоткуда в никуда.

Запеклись кирпичные провалы,
Как следы прямоугольных ран,
А сквозь них глядится небывалый
Беспредельной синевы экран,
И плевать ему, что где-то с краю
Всякие иные города
Всею массою напоминают
Двери ниоткуда в никуда...

Площади? Башки веков слетают
Там, с незримой плахи палача,
Где история напоминает
Цвет запёкшегося кирпича
Вся!
От троглодита до проклятой
Тени, нам курочившей года, –
Прёт, безглавая, как торсы статуй
Тоже ниоткуда в никуда...

Пару тысяч лет – совсем немного
Тут патриций гордый и квирит
Собирались к пьедесталу бога,
Августа, что вечно говорит,
Так с тех пор всё что-то говорит.
А теперь не верится, что кто-то
Даже не заметил никогда
Толщину кирпичного пролёта –
Дверь, что ниоткуда никуда.

Что ж когда-то было тут? Да травка...
Козы тут паслись. Ну, а потом
Тут была, наверно, чья-то лавка,
Чья-то жизнь и чей-то скромный дом.
Ведь простая жизнь, она такая:
Ходишь незаметно, сквозь года
Сам не замечаешь, проникая
В дверь, что ниоткуда никуда.

А быть может никакого дома
Тут и не торчало никогда –
Просто так всю жизнь она знакома,
Дверь из ниоткуда в никуда –
Жизнь без перемен, без перелома...

Лишь стена, глухая, как беда,
Небо открывает из проёма
Двери ниоткуда в никуда.

26 марта 2010 г.

Ода пёстрому петуху (или Размышления на берегу Дордони)

...Вот с неба свалилась строка мне –
О чём бы? (К наитьям я глух!)

«...В сарае из жёлтого камня
Живёт окситанский петух»

Он жёлтый, зелёный и красный –
Пестрей и других петухов,
И давних сражений напрасных,
И разных прошедших веков!
Блестят его перья, которые
Пестрей королей и царей,
Пестрей европейской истории
И южных базаров пестрей.

...Негоже с кувшинным – в калашный?
Но может быть тут, между рек,
В том доме с кубической башней
Живёт и осьмнадцатый век?
А глупый Людовик в Версале
Живёт и не думает чтоб,
Не дай бог бы, не услышали,
Что «после него – хоть потоп»...

В Дордони же – точно ни слова
«О победе при Фонтенуа».
Заткнули «фонтэн» (из Прутков) –
И вот от хвастливого слова
Осталось «уа» и «нуа».
(Да, гуси действительно бродят,
Орехи действительно жрут,
Прохожих действительно щиплют
И не за «кюлот» – за штаны!)

Следят друг за другом спокойно
(Уж так распестрились века!)
Два замка с холмов над рекой, но
Их и разделяет река:
В одном англичане засели –
Герои Столетней войны,
Французы – в другом (без веселий:
На что им соседи нужны?)

Столетия смешались однако!
А было ль? И так ли давно?
(«Ах, как это было давно»):
Однажды ядро из Бейнака
Влетело во двор Кастельно...
Не нюхал ни пороха, ни пуль ты?
Но быть тебе битым как раз
Булыжником с той катапульты
Что всё же – по выстрелу в час.

Но вечно ворчат, пробегая,
Две быстрые, мощные реч...
Ворчлива и та, и другая:
В глухом чернолесье плутая,
Живёт окситанская речь.
В величье лесного молчанья
На этих предвечных холмах
Французы тут и англичане
Не в замках живут, а в домах.

Людовика нет и в помине,
Тем более, Столетней войны,
Они подорвались на mine
Времён...
И давно не нужны:
(Все – временные, все – не нужны...)

Ведь короток век тополей, и
Слетают столетья, как пух –
Зато всех событий прочней, и –
Всех замков и всех королей, и
Как герб озаряя аллеи,
Тут шляется пёстрый петух –
Воистину вечный петух!

18 мая 2009 г.

Посвящается Киплингу

На лужайке джигу пляшут Лис с Лисой:
Их мальчишки угостили колбасой!
(Лондонская зарисовка)
Вот вам черта 21-ого века:
Зверь не шарахается от человека!
У городов появились заботы:
В Лондоне лисы, в Нью-Йорке еноты.

Есть кенгуру под Парижем. Однако
Он удостоен дорожного знака:
Вон треугольник, на нём силуэт:
Крошку за лапу ведёт кенгуриха!
20 кмэ тут, а выше – запрет!
Хватит, ребята, не ездите лихо!
Скорость снижай, и для тех кенгурей
Не забывай запастись сухарей!

В лес Рамбуйе ты собрался? Постой:
Буйволам яблочек взял бы с собой.
Хитрые нутрии просят морковки –
Выйти на пруд без морковки неловко.
Уткам багета легко накрошить,
Только вот цаплю – ну чем угостить?
Разве в четверг после дождичка ей
Ты накопишь отменных червей?

15 декабря 2009

* * *

Облезлая скамейка. Рейки
Среди вишнёвых лепестков,
Но не окрасить им скамейки:
Так ненадёжны, и не клейки –
Коврами пенятся с боков.
И даже самый лёгкий ветер
Сметает их, лишает сна...
Они как море на рассвете:
Из зеркала встаёт волна...

Подобно их неверной пене,
За катером, за кораблём
След – вспененное сообщенье:
Оно исчезнет до прочтения,
Как лепестки под ветерком.

27 мая 2010 г.

* * *

Как мы боимся неузнаванья
Знакомых картин в знакомых местах!
Ведь изменилось не наше сознание –
Смена декораций внушает страх:
Вновь ты тут. И тебе тринадцать.
Ты – тот же самый. А эти места...
Как же улице не той оказаться?
Но ведь – не та! И река не та...

Ты «здесь и сейчас». Становится страшно,
Что всё втихаря меняют года,
Но если ты вдруг и вправду тогдашний –
То берегись забрести сюда:
Эти деревья не стали хуже.
А река? Ну, конечно, нет!
Но, ни реке, ни оврагам не нужен
Ты. И значит, тебя тут нет.

.....
Длинный бульвар ростовских акаций
Совсем другой, если глянуть со стороны моста!
Ну, как посмел я сюда забраться,
Если улица не та, и река не та?
В глубоком дворе, за пятиэтажкой обычной,
С Пушкинского бульвара не разглядеть никак
Тот двухэтажный, старинный, кирпичный
Дедовский особняк...

И с того, за года задвинутого дома,
По новеньким окнам замутнённого стекла,
С крыши – старой, но такой незнакомой –
Подтаявшим снегом история сползла.
Ну как бежать от её опознанья?
Всё равно ведь изловит и там, и тут!
Вот мы и боимся неузнаванья
Горстки лет, и кучки минут...

24 апреля 2010 г.

* * *

А когда пятипалый разлапистый лист платана
За берёзу не смог уцепиться, ему
Только и оставалось, наподобие парaplана,
Над газоном долго беспцельно кружиться, и тьму
Желтизной безнадежно расталкивать –
Этот солнечный осколок лета
Прошуршал по крыше тёмно-синей машины,
Несколько раз то вниз, то вверх по бортам, –
И под колесо –
И остался там...

Почта, на которую не будет ответа.

23 ноября 2009

* * *

Века нанизаны на время
Как мясо с луком на шашлык –
Всплывут несообразно теме
Случайный отблеск, лишний блик –
И город вновь неузнаваем...
Вот – был гараж, а стал костёл...

Париж бахвалится трамваем,
Как будто снова изобрёл,

А в море торопясь с уклона,
И лепку Гауди теребя,
Ломясь за стены, Барселона
Озлилась, вышла из себя

А Питер? Он построен плетью
Таких других на свете нет,
Слепили за одно столетье
И выставили как макет,
Чтоб каждый день – другого цвета,
И каждый час иных тонов,
А людям кажется, что это –
Калейдоскоп забытых снов...

Зато уж в мозаичном Риме
Где времена сквозь времена
Чужие склеены с чужими
Везде – от шпилья и до дна,
Так геометрия сломалась
Что угол в круге растворим!
Трёх тысяч лет игра и шалость –
Рим прорастающий сквозь Рим.

4 июня 2010 г.

Заключение

Осень явилась разом, и не прося пристанища,
Замельтешила узором дубов,

узкими листьями ив,
(Будто опять «Турандот»
старик Антокольский поставил,
И свой, и вахтанговский замысел
наново перекроив).

Осень осиновою мелочью
засыпала холмы у моря,
Отменила хвастливость роз
и скромность яблонь,
Но, противозаконный, там где-то,
в опустелых Содоме и Гоморре,
В полумёртвой, медленной тишине
заливается зяблик. Зяблик...

И я снова леплю строку
из бретонских холщёвых пейзажей,
Из зелёной бегучей волны
Средиземного моря, из
Капризных парижских набережных,
Из смятых созвездий, и даже
Из самого этого неконкретного понятия: каприз.
Что ж, пускай себе осень гасит
свеченье брусничных бусин,
И зелёный, в медной кроне,
отливающий лаком орех, –
Но не смолкнет, звенит бронзой клён,
Но церквушки – белые гуси,
Где-то пьют и пьют студёную
воду северных рек...

Содержание

1. КАЛЕЙДОСКОП	3
Калейдоскоп	3
Ода Средиземному морю	4
Возвращение осени	6
«...И вот затворяются деревянные решётки...» ...	6
«Один из нас. Разве чуть постарше...»	7
Парцифаль	8
Зелёные стихи	9
Река времён	10
Мой вальс	11
Тень ренессанса	15
«Сальские степи в 1950 году...»	16
Отражения	16
Церковь у моря	17
«Огни всё глубже тонут в лужах...»	17
Венеция. Зима	18
«Ветра не слышно. Не воздух, а холод...»	19
«Мне надоело мёрзнуть на ветрах...»	19
Ад вороний	20
«Мокрые асфальты удваивают город...»	20
«Ещё даже не остыли следы...»	21
2. ТЕНЬ ВРЕМЕНИ	22
Тень времени	22
«Сова над лодкой снизилась и взмыла...»	23
Бедные рифмы	24
Fogo Romano	24
Ода пёстрому петуху	26
Посвящается Киплингу	27
С другого берега	28
«Облезлая скамейка. Рейки...»	29
«Как мы боимся неузнаванья...»	29
«А когда пятипалый разлапистый лист...»	30
«Века нанизаны на время...»	30
Заключение	31

32 ПОЛОСЫ

Специальная серия

Ростовское региональное отделение
Союза российских писателей

Гость серии Василий Бетаки

ТЕНЬ ВРЕМЕНИ

Стихи

Текст публикуется в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: Н.Огнева

Подписано в печать 25.07.2010. Формат 64x84 1/16.

Объём 2,0 усл. печ. л. Гарнитура SchoolBook

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 100 экз. Зак. 342

Издательство «НЮАНС», Таганрог
Отпечатано в типографии Ю.Д.Кучмы
Адрес: г. Таганрог, Солодухина, 87.
тел. в Таганроге: (8634) 69-00-12
e-mail: y_kuchma@mail.ru

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ

Поэт, переводчик, радиожурналист,
историк архитектуры.

Родился 29/IX/1930 в Ростове-на-Дону.
Жил в Ленинграде. В 1960 окончил заочно
Литературный Институт (Москва).
Ученик Павла Антокольского и Татьяны Гнедич.

В Ростовской области работал учителем,
театральным режиссёром, затем главным методистом
экскурсионной работы Павловского Дворца-музея.

Публикуется с 1956.
Первая книга стихов вышла в 1965 в Ленинграде.

С 1965 по 1972 был членом Союза писателей.

Переводил поэзию с английского и немецкого,
писал литературные передачи для радио,
руководил литобъединением.

В 1971 стал победителем конкурса перевода
произведений Эдгара По («Ворон», «Колокола»,
«Улалюм»), опубликованных в двухтомнике Э.По
(1972, «Художественная литература»).

Это было последней публикацией В.Бетаки
перед эмиграцией.

С 1973 года живет в Париже.
Все публикации в СССР были запрещены.

Двадцать лет проработал на радио «Свобода»
и восемнадцать в журнале «Континент».
Один из организаторов подпольной переправки
в СССР запрещённых русских книг и журналов,
издававшихся на Западе.

С 1989 года Василий Бетаки
снова публикуется в России.